

Н. А. Кораблев
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Территориально-административное устройство Карелии в XVIII – начале XX в.

В XVIII в. как геополитическое положение Карелии, так и ее внешние и внутренние административные границы неоднократно менялись, что определялось воздействием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Первый этап этих изменений связан с эпохой петровских преобразований и Великой Северной войной 1700–1721 гг. Изначально в планах Петра I уделялось важное место Южной, Олонецкой Карелии в качестве базы для борьбы за овладение Балтийским побережьем. Уже на начальном этапе войны – в 1702–1703 гг. – начал складываться самостоятельный административно-территориальный округ, объединявший возвращаемые Россией прибалтийские территории и земли Олонецкого уезда. В 1702 г. последовал указ «приписать к тому городу Шлутербургу город Олонец с посадом»¹. В ходе губернской реформы Петра I, когда страна была разделена на 8 губерний, по указу 18 февраля 1708 г. в состав Ингерманландской (с 1710 г. – Санкт-Петербургской) губернии в числе 29 городов с уездами был включен и Олонец. На востоке Петербургская губерния включала также и Каргополь с уездом, охватывавшим в ту пору весь бассейн р. Онеги, вплоть до впадения этой реки в Белое море.

В то же время удаленная от основного театра военных действий северная часть Карелии (Карельское Поморье и внутренние погосты и волости к северу от Ругозера и Ребол) вошла в состав Архангелогородской губернии (Кольский уезд).

Видный дореволюционный исследователь проблемы А. Лохвицкий в своем исследовании «Губерния» считал петровские губернии образованными не столько для целей местного управления вообще, сколько для решения специальных военно-податных задач. Поэтому деление государственной территории на такие губернии совершенно не соотнобразовывалось с удобствами местного управления и с особенностями отдельных местностей, а определялось исключительно количеством податного населения и военной целесообразностью². И такое заключение не лишено оснований. Олонецкий и Каргопольский уезды в составе Петербургской губернии в первую очередь должны были обеспечивать бесперебойную работу ком-

плекса Олонецких Петровских заводов и Лодейнопольской верфи, выпускавших военную продукцию. Приморская же Архангельская губерния – питать людскими резервами растущий военный флот.

Западные рубежи Санкт-Петербургской губернии раздвигались по мере успехов русских войск в Прибалтике. 14 июня 1710 г. пала шведская крепость Выборг, а в сентябре того же года – Кексгольм (Корела). Со взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка.

В 1719 г. стало вводиться внутреннее деление губерний на провинции (доли), в связи с чем Олонецкий уезд в составе Петербургской губернии был переименован в провинцию, а Каргопольский включен в состав Белозерской провинции.

Великая Северная война окончилась подписанием в 1721 г. Ништадтского мирного договора, который определил новую границу между Россией и Швецией. Среди земель, вновь отходивших к России, были Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье. При определении границы абсолютистское государство Петра I исходило, прежде всего, из стратегических интересов обеспечения безопасности новой столицы и главного морского порта – Петербурга. Конфессиональные и этнические факторы при таком подходе становились делом второстепенным. Тем более не принималась во внимание проблема сохранения цельности землевладения отдельных крестьянских общин. Поэтому линия границы к северу от Балтики не повторяла прежнюю, существовавшую до Столбовского мира 1617 г. На Карельском перешейке она прошла западнее старой границы Тывзинского мира 1595 г., охватывая территории, утраченные Россией еще по Ореховецкому договору 1323 г., а в северо-западном Приладожье, напротив – значительно восточнее границы 1595 г. В силу этого северо-западная часть бывшего Корельского уезда (в основном территория Иломантского погоста и отпочковавшихся от него в XVII в. погостов и волостей Лиэкса, Липери, Тохмаярви, Палкъярви) с православным карельским населением осталась в составе Швеции³. В то же время в западной, привыборгской части Карельского перешейка несомненно преобладало финское и сильно финнизированное карельское население. Территория Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья с 1719 г. составляла Выборгскую провинцию Петербургской губернии.

При преемниках Петра I предпринимались попытки разукрупнить громадные по территории губернии. В 1727 г. Петербургская губерния была разделена на две – Петербургскую и Новгородскую, при этом Олонецкая и Белозерская провинции с Каргополем вошли в состав Новгородской губернии⁴.

В 1741–1743 гг. Швеция ввязалась в новую войну с Россией, пытаясь взять реванш за поражение в Великой Северной войне, однако потерпела неудачу. По мирному договору, заключенному в г. Або (Турку), южный участок русско-шведской границы отодвигался на запад до р. Кюмене, и в состав России включались Кюменегорская провинция с крепостями Фридрихсгам (Хамина) и Вильманstrand (Лаппенранта) и часть Саволакской провинции с городом-крепостью Нейшлот (Савонлинна)⁵. Эти вновь присоединенные территории вошли в состав Выборгской провинции, которая в следующем, 1744 г. была выделена из Петербургской губернии в самостоятельную губернию.

После потрясшей всю Россию крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева правительство Екатерины II осуществило реформу, направленную на укрепление государственной власти на местах и создание стройной системы административно-территориального устройства. По закону от 7 ноября 1775 г., получившему название «Учреждение для управления губерний Российской империи», в основу административного деления страны закладывался демографический принцип. В каждой губернии должно было проживать 300–400 тыс. ревизских душ. Провинции подлежали постепенному упразднению. Губернии делились на уезды, в каждом из которых должно было насчитываться 20–30 тыс. душ. При формировании территории губерний предписывалось также принимать во внимание расстояние от губернского до уездных центров. Создавалась соответствующая двухступенчатая система местных административных, финансовых и судебных учреждений.

«Учреждение для управления губерний» вводилось в действие постепенно, в течение десятилетия, вначале в центре страны, затем на окраинах⁶. На Европейском Севере России реформа имела определенные промежуточные этапы, причем на первых этапах реорганизации здесь наряду с губернским и уездным звеньями сохранялось и промежуточное – областное. В 1776 г. при переустройстве Новгородской губернии на новых началах во входившей в ее состав Олонецкой области были образованы Олонецкий, Петрозаводский, Вытегорский и Каргопольский уезды (с передачей нижней части бассейна р. Онеги в Архангелогородскую губернию) и Лопский Паданский округ⁷. В 1777 г. Петрозаводская слобода получает статус города. По указу от 11 декабря 1781 г. Олонецкая область из Новгородской губернии была передана в состав столичной Петербургской губернии⁸, что отражало рост стратегического значения края после постройки Александровского пушечного завода, ставшего одним из основных арсеналов русской армии. В 1782 г. областное (провинциальное) правление было перенесено из Олонца в Петрозаводск⁹.

Указом Екатерины II от 25 января 1780 г. вместо обширной, созданной еще в петровскую эпоху Архангелогородской губернии была образована Вологодская губерния (наместничество) в составе трех областей – Архангельской, Великоустюжской и Вологодской. В Архангельской области было образовано 7 уездов, включая Кольский, к которому относилась и территория Северной Карелии (Карельское Поморье и внутренние волости к северу от Ребол и Ругозера)¹⁰.

Окончательно губернское устройство Европейского Севера по Екатерининской реформе оформилось в 1784 г. 26 марта этого года указом Екатерины II Архангельская область реорганизуется в самостоятельную губернию¹¹, а 22 мая последовал указ императрицы о преобразовании в губернию и Олонецкой области¹². Первоначально в составе Олонецкой губернии было пять уездов: Петрозаводский, Вытегорский, Повенецкий (бывшая Паданская округа), Олонецкий и Каргопольский. Указом об определении границ данной губернии от 16 мая 1785 г. ее пределы были расширены до побережья Белого моря за счет передачи из Кольского уезда Архангельской губернии земель, расположенных южнее Пяозера, Топозера и Керети. Дополнительно образовывалось еще три уезда – Кемский, Пудожский (из отдаленных частей Вытегорского и Каргопольского уездов) и Лодейнопольский (из отдаленных частей Олонецкого и Петрозаводского уездов)¹³.

Таким образом, ко второй половине 1780-х гг. основной массив заселенных карелами земель разделяла только одна внутренняя административная граница – между Олонецкой и Выборгской губерниями. Однако такая благоприятная для карельского этноса ситуация сохранялась не долго. Указом от 12 декабря 1796 г. Павел I ликвидировал Олонецкую губернию, разделив ее территорию между Архангельской и Новгородской губерниями¹⁴. Пришедший к власти в результате дворцового переворота Александр I указом от 9 сентября 1801 г. вновь восстановил губернию. В отношении ее границ указ определял следующее: «..Положить пределы губернии, соображаясь не только бывшему доселе разграничению, но если усмотрят новые уважения к лучшему, могут назначить и перемены в нем...»¹⁵. В итоге Сенатским указом от 3 октября 1802 г. Кемский уезд, включая и карельские волости к северу от Кимасозера, был передан в состав Архангельской губернии¹⁶. В Олонецкой губернии осталось семь уездов (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий, Пудожский, Вытегорский, Каргопольский и Лодейнопольский). Подробной мотивировки присоединения Кемского уезда к Архангельской губернии в указе не содержалось, говорилось лишь, что это делается «по удобствам». По всей видимости, «удобность» заключалась в

традиционных экономических связях Карельского Поморья с Архангельском и наличию морских коммуникаций между ними.

Значительное и неоднозначное влияние на геополитическое положение Карелии оказало присоединение в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндии к России на правах автономного великого княжества, в котором сохранялась собственная законодательная система и устанавливалась своя верховная администрация. Бывшая граница со Швецией, откуда на протяжении многих веков на карельскую землю не раз приходили война и разорение, становилась мирной границей с автономным государственным образованием в составе Российской империи. В 1811 г. Александр I передал в состав Великого княжества Финляндского Выборгскую губернию, что явилось препятствием на пути этнической консолидации проживавших в северо-западном Приладожье карел с родственным карельским населением сопредельной Олонецкой губернии. По данным 1830 г. в восточной части Выборгской губернии (в приходах Салми, Суоярви, Суйстамо, Кителя, Тиурула и др.) проживало около 20 тыс. православного карельского населения¹⁷.

Сложившееся в начале XIX в. административно-территориальное устройство карельских земель с незначительными изменениями (включение в состав Кемского уезда района Пяозера, Керети и Кандалакши) сохранялось более столетия, вплоть до революционных событий 1917 г. Оно закрепило административную разобщенность карельского народа.

Необходимо, однако, отметить, что еще в 1877–1878 гг. земские органы и администрация Олонецкой губернии во главе с губернатором Г. Г. Григорьевым официально поставили перед правительством России вопрос о необходимости возвращения в состав губернии Кемского уезда. Предварительно этот вопрос был рассмотрен 8 декабря 1877 г. на очередной сессии Олонецкого губернского земского собрания по инициативе гласного, подрядчика по постройке Повенецко-Сумпосадской почтовой дороги, купца из г. Вытегры В. М. Матвеева. В своем докладе В. М. Матвеев охарактеризовал существующую административную границу между Олонецкой и Архангельской губерниями как «искусственную», мешающую интеграции Поморья с общероссийским рынком и требующую пересмотра. «Олонецкая губерния, находясь на перепутье между Поморьем и внутренними рынками империи, – заявил он, – самой природою назначена служить посредницей в торговле между этими пунктами». Гласный акцентировал внимание и на этническом факторе, указав, что «Кемская корела... составляет продолжение сплошного населения карельского племени, занимающего пограничные с Финляндией части Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов»¹⁸.

Олонецкое губернское земское собрание приняло по докладу следующее постановление: «Вполне разделяя взгляд губернского гласного г-на Матвеева на обоюдные выгоды для развития нравственного и экономического быта населения западного побережья Белого моря и жителей Олонецкого края, от слияния этой части севера с Олонецкой губернией... ходатайствовать пред правительством, чрез г. начальника губернии о присоединении Кемского уезда Архангельской губернии, в полном его современном составе, к Олонецкой губернии»¹⁹. Земцы нашли полную поддержку у губернатора Г. Г. Григорьева, представившего 1 мая 1878 г. ходатайство губернского земского собрания Министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. Более того, в сопроводительной записке он углубил и конкретизировал ряд положений, выдвинутых В. М. Матвеевым, прежде всего в плане экономической интеграции Кемского уезда и Олонии. Так, он указывал, что административная разобщенность тормозит освоение богатых лесных ресурсов в бассейнах рек Выг и Кемь, осложняет проблему доставки продукции рыбных промыслов Поморья на петербургский рынок, мешает реализации крупных коммуникационных проектов общероссийского значения (строительство Беломорско-Балтийского канала, железной дороги к незамерзающим гаваням Баренцева моря и др.). Г. Г. Григорьев также добавил управленческо-административный аргумент, указав, что правительственные распоряжения из столицы через Петрозаводск будут поступать в Кемь и на Мурман значительно быстрее, чем через Архангельск.

Однако, несмотря на обоснованность своих предложений, олончане потерпели неудачу. Против них выступил не только архангельский губернатор Н. П. Игнатьев, что можно было ожидать, но и министры. Причина заключалась в том, что олонецкие деятели считали необходимым ввести в Кемском уезде, в случае его присоединения к губернии, земские учреждения «на общих основаниях». Тем самым ставилась под сомнение позиция правящих кругов, упорно не желавших давать земское самоуправление Архангельской губернии из-за отсутствия в ней поместного дворянства. О политической остроте данного вопроса свидетельствует тот факт, что когда три с половиной десятилетия спустя, в 1913 г., III Государственная Дума проголосовала за введение земских учреждений в Архангельской губернии, Государственный Совет провалил этот законопроект. При этом о причинах отклонения закона весьма откровенно высказался на страницах газеты «Новое время» один из лидеров правых в Госсовете П. П. Кобылинский: «Так пишут законы только лавочники... Гос. дума совершенно не подумала о том, что по отсутствию культурных элементов и по малонаселенности Архангельской губернии, там в земские управы

пришлось бы выбирать, как у нас острили, одного мужика, одного оленя и одного медведя... Образования мужицкого земства, каким его проектировала III Гос. дума, мы не допустим». Интересно, что с противоположного политического фланга на выступление Кобылинского отозвался В. И. Ленин, который в заметке «Благодарим за откровенность» писал: «Лавочники в государственной думе... Мужики и медведи в земстве... лавочников и мужиков не допустим... Вот прямой язык помещика-крепостника»²⁰.

Не удивительно, что в ответ Григорьеву, поднявшему больной для правительства вопрос, из канцелярии Министерства внутренних дел были высланы отрицательные заключения управляющего Министерством финансов и Министра государственных имуществ. Министр государственных имуществ писал: «В виду неимения закона, коим казенные земли ограждались бы от произвольного их обложения земскими налогами, я... нахожу, что присоединение Кемского уезда к Олонецкой губернии, как и вообще отделение уездов, от одних губерний, в коих земские учреждения не введены, и присоединение их к другим, в коих таковые существуют, представляется в настоящее время преждевременным и в интересах казны нежелательным». В том же духе высказался и другой министр: «Причины, побуждающее олонецкое земство ходатайствовать об означенном присоединении, весьма понятны, если принять во внимание, что помянутое присоединение обуславливается введением там земских учреждений, которые получили бы право для своих надобностей облагать земским сбором недвижимые имущества, в том числе и казенные земли, которых там имеется значительное количество...

Ввиду сего, я со своей стороны разделяю мнение архангельского губернатора и Министра Государственных имуществ, что присоединение Кемского уезда к Олонецкой губернии не оправдывается никакими существенными соображениями, а потому и ходатайство о сем... должно быть отклонено»²¹.

Последующий ход событий показал, однако, что руководители земства и администрации Олонецкой губернии 1870-х гг., ставя вопрос о пересмотре административных границ, хорошо знали нужды края и были людьми дальновидными. Сама логика экономического развития вела к хозяйственной интеграции Кемского края и Олонии. Ключевым моментом в данном отношении явился ввод в эксплуатацию Мурманской железной дороги в период Первой мировой войны, на что обращал внимание видный карельский историк Я. А. Балагуров. В монографии, посвященной жизни Карельского Поморья в 1917–1920 гг., он отмечал: «После постройки Мурманской железной дороги установилась прочная и кругло-

годовая связь с Петрозаводском и Петроградом, а старинные связи с Архангельском стали постепенно отходить на задний план»²².

В политико-административном отношении необходимость объединения Кемского края с Олонией и учета специфики национального состава населения показали события революции 1905–1907 гг., когда администрация и епархиальные власти Олонецкой и Архангельской губернии были поставлены перед необходимостью тесной координации действий в связи со становлением карельского национального движения и угрозой пропаганды «панфинских» и лютеранских идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ-I. Т. 4. № 1943, 2218, 2538.

² Лохвицкий А. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 39–40.

³ См.: Bjorn I. Suur-Ilomantsin historia. Pieksamaki, 1991. S. 135, 136.

⁴ ПСЗ-I. Т. 8. № 5065.

⁵ ПСЗ-I. Т. 11. № 8766.

⁶ Желудков В. Ф. Введение губернской реформы 1775 г. // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 229. Л., 1962. С. 200–201, 223–224.

⁷ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Т. 1. Петрозаводск, 2001. С. 387.

⁸ ПСЗ-I. Т. 21. № 15297.

⁹ См.: ПСЗ-I. Т. 20. № 14602; Т. 21. № 15394.

¹⁰ ПСЗ-I. Т. 20. № 14973.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 22. № 15968.

¹² ПСЗ-I. Т. 22. № 15999.

¹³ ПСЗ-I. Т. 22. № 16204; Ушаков И. Ф. Кольская земля. Избранные произведения в 3-х тт. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 180–181

¹⁴ ПСЗ-I. Т. 24. № 17634, 17677.

¹⁵ ПСЗ-I. Т. 26. № 20004

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 27. № 20455, 22997.

¹⁷ Пашков А. М. Сочинение Франца фон Кнорринга «Старая Финляндия» // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2005. С. 78–79.

¹⁸ Журналы Олонецкого губернского земского собрания очередной сессии 1–11 дек. 1877 г. Петрозаводск, 1878. С. 70–71.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Ленин и Север. Сборник документов и материалов. Архангельск, 1969. С. 42.

²¹ НА РК, ф. 1, оп. 11, д. 34/20, л. 65–67.

²² Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1973. С. 25.